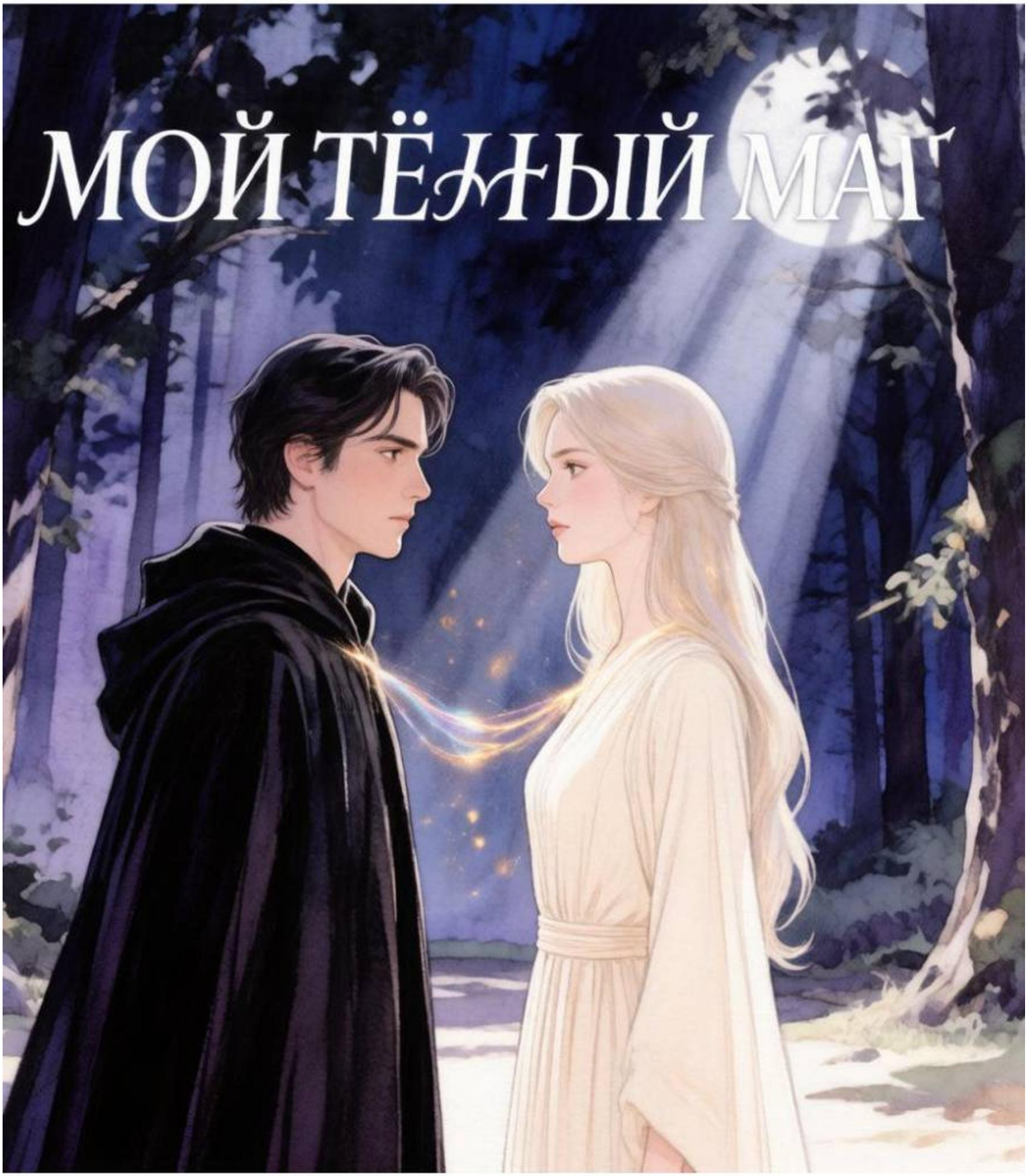
МОЙ ТЁМНЫЙ МАГ

Валери

Мой тёмный маг

«Автор»
2026

Валери

Мой тёмный маг / Валери — «Автор», 2026

Мир, расколотый на два континента. На востоке — процветающее Солнечное Королевство, где магия Света считается единственно верной. На западе — Выжженные Пределы, земли вечных сумерек, где правят тёмные маги-отступники. Главные герои:Илара Вейн (20 лет) — светлая целительница из бедного квартала столицы. Искренняя, упрямая, с острым языком, когда дело касается несправедливости. Обладает редким даром исцеления, но из-за низкого происхождения работает в лазарете для бедняков, мечтая накопить на лицензию.Кайрен из рода Эшвудов (около 300 лет, выглядит на 30) — последний истинный тёмный маг, добровольно изгнавший себя в столицу Света. Ходят слухи, что он выжег собственное сердце, чтобы запереть внутри древнее проклятие. Циничен, язвителен, невыносим в быту, но обладает пугающим благородством, когда никто не видит.

© Валери, 2026
© Автор, 2026

Мой тёмный маг

Глава 1. Запах озона и гниения

В Королевстве Света пахло воском, розмарином и чужим, тщательно скрываемым отчаянием. Для Илары Вейн этот запах был родным. За три года работы в лазарете Восточного округа она научилась различать его ноты лучше, чем ароматы дорогих духов аристократов, чьи карманы она каждый вечер обчищала на рынке. Отчаяние пахло железом и кислым потом. Безнадежность — застарелой мочой и дешевым элем.

Сегодня в углу ее крошечного кабинета умирал старик. Магия Света пульсировала в ладонях Илары теплым, послушным светом. Она вливала силу в ссохшуюся грудь больного, сращивая лопнувшие сосуды, выгоняя лихорадку. Это была хорошая, правильная магия. Благословленная Синодом. За такую магию давали лицензии, место в Верхнем городе и мужа с титулом. Старик захрипел. Светлая нить в руках Илары дрогнула. Она влила еще больше силы, чувствуя, как по спине бежит холодный пот. Дыхание больного не выравнивалось. Наоборот, кожа на его шее начала стремительно чернеть, расходясь от ключиц причудливым узором, похожим на кору мертвого дерева.

— Некроз, — прошептала Илара, отдергивая руки. Ее целительский свет был бессилен. Свет лечит живое, созидает, латает дыры. Но когда плоть начинает пожирать сама себя, оборачиваясь в антимагию, светлая сила лишь питает гниение, заставляя его распространяться быстрее.

— Матушка Гвинта! — крикнула Илара в коридор. — Несите белену. И бумагу для отчета. Старик был мертв, просто его тело еще не осознало этого. Через час его вывезут в общую могилу за чертой города, а Илара получит выговор за то, что не смогла удержать душу в сосуде, который Свет давно покинул. Она сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

Ей нужна была эта лицензия. Нужна была настолько, что от голода и недосыпа перед глазами плыли золотые круги.

— Опять копаетесь в отходах, Вейн? Голос раздался от двери. Илара резко обернулась, едва не опрокинув банку с дистиллированной водой. В дверном проеме стоял он. Кайрен из рода Эшвудов. В тесном, пропахшем болезнью лазарете он выглядел как сбой в мироздании.

На нем был тяжелый дорожный плащ из черного бархата, который казался слишком дорогим для этих стен, но под ним угадывалась простая серая туника. Его волосы цвета воронова крыла были небрежно стянуты на затылке, а лицо — слишком красивое, слишком резкое для смертного — не выражало ничего, кроме вселенской скуки. Кайрен не был пациентом. Он вообще не должен был находиться в Восточном округе. Аристократы из его рода владели половиной Выжженных Пределов и презирали столицу Света, считая ее обитателей напыщенными святошами.

— Если вы пришли требовать долг, лорд Эшвуд, — Илара постаралась, чтобы ее голос не дрожал, — то я отдала вам последний медяк вчера. И позавчера. Если вы продолжите приходить, мне придется лечить вас от истощения. Бесплатно.

Уголок его губ дернулся. Это нельзя было назвать улыбкой — скорее, оскалом хищника, который заметил забавную, но несъедобную букашку.

— Я не за долгом, целительница. Я учуял запах. Илара принюхалась. Вокруг пахло кровью, болезнью и ее собственным отчаянием.

— Вам стоит сменить парфюм, лорд. От вас несет озоном и жженым сахаром. Кайрен шагнул в кабинет, и тени в углах словно сгустились, потянувшись к его сапогам. Матушка Гвинта, выглянувшая на шум, тихо ойкнула и скрылась в коридоре, бормоча молитву Пресветлой.

— Озон — это побочный эффект, когда рвешь ткань реальности, — лениво пояснил он, подходя к кушетке. — А жженый сахар — это просто моя кровь. Диабет, знаете ли. Наслед-

ственное. Он не спрашивал разрешения. Его пальцы в черной кожаной перчатке коснулись почерневшей шеи старика. Илара дернулась вперед, чтобы остановить святотатство — прикосновение отступника к телу, которое покинула благодать Света.

— Не мешайте, — бросил Кайрен, не оборачиваясь. — Вы сейчас лечили его добротой. Это мило, но бесполезно против Пепельной Чумы. Илара замерла. Пепельная Чума считалась выдумкой паникеров. Болезнь, о которой шептались только в портовых тавернах Выжженных Пределов. Болезнь, от которой не было спасения в книгах Синода.

Кайрен сдернул перчатку. Кожа на его руке была бледной, почти фарфоровой, но под ней не было видно вен. Там, где должно быть сердце, сквозь тонкую ткань туники пробивалось тусклое, лиловое свечение. Оно не грело. От него веяло могильным холодом, от которого у Илары свело зубы. Лиловая тьма сорвалась с его пальцев. Она не была похожа на магию Света — никакой мягкости, никакого золотого сияния. Это была вязкая, тяжелая субстанция, похожая на черную ртуть. Она окутала голову старика, впитываясь в почерневшую плоть.

Раздался звук, с которым ломается сухая ветка. Черная кора на шее старика пошла трещинами, осыпаясь на простыню серым пеплом. Под ней оказалась розовая, здоровая кожа. Старик судорожно, со свистом втянул воздух. Открыл мутные глаза.

— Воды, — просипел он. Илара стояла, вцепившись в край стола так, что побелели костяшки. Она только что видела чудо. И это чудо было соткано из первородной скверны. Кайрен брезгливо натянул перчатку обратно. Его взгляд, до этого пустой, вдруг стал острым и пронзительным, впиваясь в лицо Илары.

— У вас дрожат руки, — констатировал он. — И пульс частит. Вы в ужасе. Но вы не позвали стражу Синода. Почему?

— Потому что стража Синода забрала бы его в свои подземелья, чтобы изучить "скверну", — голос Илары все-таки дрогнул. — А вы его спасли.

— Я просто не люблю мусорить, — он кивнул на старика. — Пепельная Чума заразна. Если бы он умер в вашем кабинете, к утру вы бы хоронили весь Восточный округ. Включая вашу драгоценную лицензию. Он развернулся, собираясь уходить. Полы его плаща взметнули в воздух пылинки.

— Постойте, — выпалила Илара. Кайрен медленно обернулся. В его глазах цвета штормового моря плескалось что-то древнее и очень, очень злое.

— Я не принимаю благодарности, целительница. Особенно от тех, кто завтра же может написать на меня донос.

— Я не буду писать донос, — Илара шагнула к нему, забыв о субординации, страхе и правилах лазарета. — Я хочу знать. Как? В книгах Синода написано, что тьма только разрушает. Кайрен рассмеялся. Это был неприятный, каркающий смех, от которого у Илары по спине пробежал настоящий мороз.

— Ваши книги врут, Вейн. Тьма — это просто другой набор инструментов. Свет сшивает плоть, оставляя шрамы. Тьма вырезает гниль под корень. Больно, грязно, но эффективно. Он подошел вплотную, нарушая все мыслимые границы личного пространства. Илара задрала голову, чтобы встретить его взгляд. От него пахло озоном, холодом и чем-то неуловимо диким, как от зверя, долго просидевшего в клетке.

— Вы любопытны, — тихо сказал он. — Это качество обычно убивает светлых целителей в первые же сутки за Стеной.

— Я упряма, — парировала она. — Это качество обычно помогает бедным девкам из квартала Ткачей получать лицензии. Кайрен долго смотрел на нее сверху вниз. Его лицо было непроницаемой маской, но лиловая тьма под его одеждой вдруг пульснула быстрее, словно реагируя на ее дерзость.

— Любопытство и упрямство — плохой коктейль для смертной, — наконец произнес он. — Но, пожалуй, я найду вам применение.

— В качестве доносчицы? — фыркнула Илара.

— В качестве ассистентки, — отрезал он. — У меня заканчивается запас сушеных слез василиска. Завтра в полночь. Трактир "Слепой осетр" в порту. Приходите, если не передумаете. Если передумаете — я найду вас сам. Вы слишком ярко светитесь для этого города, Вейн. Такие маяки в темноте видны издалека.

Он толкнул дверь и вышел в серый полумрак столичных улиц, оставив после себя запах озона, тишину и старика, который тихо плакал на кушетке, впервые за десять лет чувствуя свои ноги. Илара посмотрела на свои руки.

Они все еще светились мягким, бесполезным золотым светом.

Глава 2. Шепот в позолоченной клетке

Трактир "Слепой осетр" вонял рыбой, отчаянием и дешевым табаком. Илара просидела там до полуночи, сжимая в кармане единственное свое сокровение — серебряный медальон выпускницы школы целителей, который она украла, когда ее выгоняли за "неподобающее поведение". Кайрен не появился.

Она уже решила, что это была проверка, и тёмный маг просто посмеялся над наивной девкой из квартала Ткачей, когда за ее столик упала тень.

— Вы пахнете рыбой и бедностью, Вейн, — голос Кайрена был лишен вчерашней ленцы. Сейчас он звучал как сталь. — Следуйте за мной.

Они не вышли через дверь. Кайрен толкнул ее в узкий коридор для слуг, приложил ладонь к кирпичной кладке, и камень пошел рябью, пропуская их в промозглую сырость столичной канализации.

— У вас есть носовой платок? — спросил он, когда Илара, поскользнувшись, едва не упала в сточную воду.

— Я целительница, а не герцогиня.

— Жаль. Придется испортить ваше платье. Через двадцать минут они стояли перед коваными воротами особняка рода Валенхеймов. Три этажа белого мрамора, витражи с ликами Пресветлой, сады, которые стоили больше, чем весь Восточный округ.

— Почему они не вызвали экзорцистов Синода? — шепотом спросила Илара, кутаясь в плащ, который Кайрен накинул ей на плечи. Плащ все еще хранил запах озона.

— Потому что экзорцисты Синода сжигают одержимых, — ровно ответил Кайрен. — А лорд Валенхейм хочет получить назад своего наследника. Живого. Церковь не признает демонов в столице, Вейн. Это портит статистику благочестия. Если мальчик умрет от "божественной лихорадки", это воля Пресветлой. Если его сожгут как одержимого — это позор для рода. Их ждали. Леди Валенхейм встретила их в галерее. Она была бледна, как алебастр, а ее руки, унизанные кольцами, мелко тряслись.

— Лорд Эшвуд, — она сделала книксен, едва не теряя сознание. — Мой сын… он горит уже третьи сутки. Архиепископ прочитал три очищающих псалма, но огонь только усилился.

— Покажите его, — бросил Кайрен, сбрасывая плащ прямо на мраморный пол. Детская находилась в самой высокой башне. Воздух здесь был сухим и горячим, пахнущим озоном, раскаленным воском и сладковатым, тошнотворным запахом гниющих фруктов. Мальчику было не больше восьми лет.

Он лежал на огромной кровати под балдахином, привязанный шелковыми шнурами к столбикам. Его кожа была алой, покрытой бисеринками пота, но самым страшным были глаза. Зрачки исчезли, растворившись в сплошном золотом сиянии. Из горла ребенка вырывался не детский плач, а низкий, вибрирующий рык на три голоса.

— Светлая лихорадка, — с фальшивой скорбью констатировал личный лекарь лорда, стоявший в углу. — Дух его почти покинул. Лекарь лгал. Илара видела это по тому, как дрожит золотая аура вокруг тела. Это была не лихорадка. Внутри ребенка сидело нечто, и оно играло с ними, как кошка с мышью.

— Вейн, — голос Кайрена стал жестким, не терпящим возражений. — Встаньте у изголовья. Положите руки ему на виски. И не смейте закрывать глаза.

— Если я применю чистый Свет к одержимому, его разорвет на части, — прошептала Илара.

— Я знаю, — Кайрен уже закатывал рукава. — Поэтому вы будете лить не Свет. Вы будете лить саму Жизнь. Держите его душу на привязи, пока я буду вычищать мусор. Если он умрет — я заберу вашу лицензию. Буквально. Вырежу из вашей памяти.

Илара сглотнула и шагнула к кровати. Она положила ладони на пылающие виски мальчика. Тепло обожгло кожу. Она потянулась к дару, но вместо привычного золотого потока целительства представила тонкую, прочную нить. Не исцеление, а якорь. Светлая магия в ее руках сменила цвет с ослепительно-белого на мягкий, жемчужно-серый — цвет человеческой души, цвет покоя.

— Есть, — выдохнула она, чувствуя, как хрупкое сознание ребенка тянется к ее рукам, словно утопающий к коряге. Кайрен встал в ногах кровати. Он не читал заклинаний. Он просто выдохнул, и тьма хлынула из него сама. Это не было похоже на лиловый туман из лазарета. Комната погрузилась в абсолютный, первобытный мрак.

Илара продолжала видеть благодаря своему серому якорю, но она чувствовала, как тьма давит на барабанные перепонки. В этом мраке Кайрен казался вырезанной из ночи статуей. Он схватил мальчика за лодыжки.

— Выходи, — сказал он в пустоту. Тело ребенка выгнулось дугой, шелковые шнуры затрещали. Из его рта хлынула не слюна — тягучая, черная жижа, которая тут же задымилась на шелковых простынях.

— Он сопротивляется, — прохрипела Илара. Серый свет дрожал, нить готова была порваться. — Оно слишком сильно!

— Мелкий фамильяр Верхнего мира, — процедил Кайрен сквозь зубы. — Падальщик. Жрет его страх. Тьма вокруг тёмного мага сгустилась, обретая форму. У него за спиной на секунду проступили очертания огромных, изломанных крыльев, сотканных из дыма и гнили. Илара ахнула, едва не потеряв концентрацию. Кайрен вонзил пальцы тьмы прямо в грудь мальчика. Илара закричала, но не от ужаса, а от боли — магическая связь передала ей ощущение, словно в ее собственные ребра вбивают гвозди. Под кожей ребенка, в такт пульсации лилового свечения в груди самого Кайрена, что-то зашевелилось.

— Оно не хочет выходить, — голос Кайрена стал чужим, рычащим. — Ему тепло.

— Сделайте ему больно, — выдохнула Илара, чувствуя, как по ее щекам текут слезы. — Души уходят от боли.

Кайрен усмехнулся, не открывая рта. Его пальцы тьмы сомкнулись на черной жиже внутри ребенка и с силой дернули. Раздался звук, похожий на чавканье грязи. Тело мальчика обмякло. Черная субстанция с визгом оторвалась от плоти, превратившись в сгусток копошащихся теней размером с кошку. Существо заметалось под потолком, пытаясь найти щель в реальности.

— Держите его! — рявкнул Кайрен. Илара, не раздумывая, перекинула свой серый "якорь" с души ребенка на тварь. Она не могла убить ее Светом, но могла сделать *видимой*. Комната снова наполнилась светом — на этот раз не мягким жемчужным, а резким, хирургическим. Серый луч ударил в потолок, пригвоздив визжащий сгусток теней к дубовым балкам. Кайрен шагнул вперед. В его свободной руке материализовался кинжал из черного обсидиана. Он не стал замахиваться. Просто прижал лезвие к тени.

— Ты слишком много съел, — прошептал он. Кинжал вошел в сгусток, как в масло. Тварь издала оглушительный, ультразвуковой вопль, от которого лопнул один из витражей, и рассыпалась в прах. Тьма в комнате схлопнулась. Наступила звенящая тишина. Пахло озоном, жженым волосом и детским потом. Мальчик на кровати тихо застонал. Илара пошатнулась,

Кайрен едва успел подхватить ее под локоть — его пальцы в перчатке были ледяными. Лекарь в углу упал на колени, бормоча молитву. Леди Валенхейм, вбежавшая на шум, бросилась к кровати, срывая шелковые путы.

— Элиан! Сынок! Мальчик открыл глаза. Обычные, испуганные глаза восьмилетнего ребенка. Зрачки были на месте. Лихорадка ушла. Кайрен брезгливо стряхнул с пальцев остатки черной слизи.

— Ему нужен отдых и бульон, — сухо сказал он леди Валенхейм. — Через неделю он даже не вспомнит об этом. Если спросят — это была редкая форма светлой аллергии на пыльцу. Леди Валенхейм подняла на него заплаканные, полные собачьей преданности глаза.

— Мы в вечном долгу перед вами, лорд Эшвуд. Назовите цену. Золото? Земли? Кайрен перевел взгляд на Илару. Она тяжело дышала, прислонившись к его плечу, ее руки все еще светились мягким серым светом, который медленно угасал.

— Земли мне не нужны, — он снова натянул на лицо маску скучающего аристократа. — А вот золото пригодится. Пятьсот империалов. И молчание. Если хоть слово о демонах дойдет до ушей Инквизиции, я вернусь. И лечить больше не буду. Он развернулся и пошел к выходу, даже не дождавшись ответа.

Илара, с трудом переставляя ноги, поплелась за ним. В коридоре, когда звуки счастливого семейства остались позади, Кайрен прислонился к стене, запрокинув голову. Лиловое свечение под его туникой пульсировало в два раза быстрее обычного. По вискам тёмного мага тек пот.

— Вы идиотка, Вейн, — прохрипел он, не открывая глаз.

— Я знаю, — Илара сползла по стене рядом с ним, чувствуя, как дрожат колени.— Я чуть не отпустила его душу. Когда вы вошли в него… я почувствовала, как оно жрет вас в ответ. Кайрен медленно открыл глаза. В них больше не было ни цинизма, ни скуки. Только бесконечная, выжженная дотла усталость.

— Это называется "симбиоз", целительница. Тьма во мне голодна. Когда я тяну скверну из других, она тянет мою жизнь. Если бы вы не держали душу мальчика, его агония разорвала бы мне грудную клетку. Он оттолкнулся от стены и протянул ей руку. — Вставайте. От вас пахнет стоками и страхом. Я куплю вам новое платье. Не появляться же ассистентке последнего тёмного мага в рванье.

Илара посмотрела на его ладонь — сильную, в черной перчатке, с которой он только что сдирал демоническую плоть. И вложила в нее свою руку.

Глава 3. Белые одежды и серые стены.

Запах кардамона, дорогого сандалового мыла и невыносимого самодовольства проник в лазарет Восточного округа задолго до того, как его источник переступил порог.

Илара как раз заканчивала перевязывать ожоги грузчику из портового квартала, когда двойные двери распахнулись, пропуская внутрь холодный сквозняк и двоих мужчин. Первый был облачен в белоснежные шелка Ордена Очищающих — элитного крыла Инквизиции, занимающегося исключительно одержимыми и магической скверной. Его лицо было абсолютно лишено эмоций, а глаза казались двумя осколками мутного льда. Вторым был лорд Дориан Кроули, Первый Секретарь Верховного Инквизитора. Илара узнала его по гербу на перстне — скрещенные ключи и слезоточивая ива. Кроули был тем самым человеком, который три года назад подписал приказ о ее отчислении из Академии за "неподобающее применение дара".

— Вейн, — Кроули растянул губы в улыбке, от которой у Илары свело челюсть. — Какая неожиданная встреча. Я смотрю, целительская печать Академии все еще при вас. Весьма… нестандартное место для ее применения.

— Я лечу бедняков, лорд Кроули, — Илара медленно вытерла руки о влажную тряпку, не отводя взгляда. — В Академии этому, видимо, не учат. Инквизитор в белом шелке шагнул вперед. Его взгляд, холодный и методичный, прошелся по рядам коек, по закопченному потолку, по тазам с окровавленными бинтами. Он остановился на Иларе.

— Вчера ночью в Верхнем городе произошел инцидент. Леди Валенхейм сообщила Синоду, что ее сын был исцелен от божественной лихорадки. Архиепископ, ввиду сложности случая, направил меня.

— Мальчик был болен лихорадкой, — ровно ответила Илара, чувствуя, как в затылке начинает пульсировать боль. — Я дежурила в лазарете до рассвета. Если вы ищете свидетелей, спросите у матушки Гвинты.

— Матушка Гвинта прошлой ночью "случайно" обожгла руку кипятком и отпросилась домой, — инквизитор достал из рукава серебряный амулет в форме раскрытой книги. Книга была мертвой — ее страницы не светились. — А в кварталах шепчут, что в Восточном округе завелся чудотворец. И что он работает не один. Кроули обвел взглядом помещение. Его глаза на секунду задержались на дальнем углу, где в тени, прислонившись к стене, стоял Кайрен.

Тёмный маг выглядел так, словно оказался здесь по чудовищной ошибке. Он небрежно кутался в тот самый черный бархатный плащ, который вчера пачкал об канализацию, и с преувеличенным интересом изучал грязь под своими идеально начищенными сапогами.

— Лорд Эшвуд, — Кроули изобразил легкий поклон. — Какая честь. Я думал, вы предпочитаете дышать пеплом на западе, а не миазмами на востоке.

— Я коллекционирую запахи, лорд Секретарь, — голос Кайрена был скучающим, но Илара заметила, как побелели костяшки его руки, сжимающей трость. — Восточный округ пахнет страхом. Это бодрит.

— Мы здесь не для светских бесед, — отрезал инквизитор в белом. Он снова повернулся к Иларе. — Леди Валенхейм упомянула, что в ритуале участвовал маг. Тёмный маг.

В лазарете стало так тихо, что было слышно, как жужжит муха над тазом с гноем.

— Леди Валенхейм напугана, — Илара старалась говорить ровно, но голос предательски дрогнул. — Она видела, как лорд Эшвуд использовал… нестандартные методы. Но это была светлая магия. Я ручаюсь.

— Вы ручаетесь? — инквизитор медленно подошел к ней. От него пахло кардамоном и властью. — Девочка из квартала Ткачей ручается за род Эшвудов? Какая восхитительная дерзость. Он поднял серебряную книгу. Илара затаила дыхание. Если амулет засветится красным — значит, рядом использовали запретную магию. Ее заберут для допросов. Кайрена — для публичной казни на площади.

Инквизитор медленно повел амулетом в сторону Кайрена. Книга вспыхнула пронзительным, ядовито-алым светом. Кроули удовлетворенно хмыкнул.

— Ну вот, Вейн. А вы говорили — светлая магия. Архиепископ будет в восторге. Последний из Эшвудов практикует скверну прямо под носом у Пресветлой. Кайрен отлепился от стены. Он не сделал ни одного резкого движения, но воздух в лазарете вдруг стал густым и тяжелым. Тени от факелов на стенах вытянулись, принимая очертания когтистых лап.

— Вы обвиняете меня, лорд Секретарь? — тихо спросил он.

— Я констатирую факт, — Кроули достал из-за пазухи пергаментный свиток с алой печатью. — Вы арестованы по подозрению в использовании магии Отступников. Илара Вейн, вы задержаны как соучастница и свидетельница. Двое стражников Синода в стеганых дублетах шагнули в лазарет, звякая алебардами.

Илара в панике посмотрела на Кайрена. Если их сейчас разделят, если ее бросят в подземелья для допросов, она расскажет всё. Не от страха — от злости на Кроули, на Синод, на весь этот прогнивший город. Кайрен встретился с ней взглядом. На долю секунды его глаза полыхнули лиловым, но тут же погасли. Он едва заметно качнул головой.

— Какая неосмотрительность, — вздохнул он, обращаясь к Кроули. — Приходить в лазарет для бедных без понимания того, с чем вы имеете дело.

— Хватит игр, Эшвуд, — инквизитор в белом шагнул к тёмному магу, поднимая руку для запечатывающего жеста. Кайрен перехватил его запястье. Движение было настолько быстрым,

что Илара увидела лишь смазанную тень. Пальцы тёмного мага сомкнулись на руке инквизитора.

— Вы пахнете кардамоном, — прошептал Кайрен ему в лицо. — И ложью. Он не применил магию. Он сделал кое-что хуже. Он позволил инквизитору заглянуть в себя. Глаза святого брата остекленели. Его губы дрогнули, и с них сорвался не крик, а тихий, скулящий вой. Он отшатнулся от Кайрена, врезавшись спиной в стол с хирургическими инструментами. Склянки со святой водой и травами посыпались на пол.

— Там… — прошептал инквизитор, глядя в пустоту перед собой. — Там ничего нет. Пустота. Которая смотрит в ответ. Кроули побледнел. Стражники неуверенно перехватили алебарды. — У лорда Эшвуда дипломатическая неприкосновенность Выжженных Пределов, — голос Кайрена снова стал прежним — ленивым и ядовитым.

— Если вы закончили портить воздух своим кардамоном, лорд Секретарь, я предлагаю вам убраться. И передать Верховному Инквизитору, что если он еще раз сунет свою серебряную игрушку в сторону целительницы Вейн, я выжгу ему глаза. Не магией. Пальцами. Кроули сглотнул. Он посмотрел на Илару, на Кайрена, на трясущегося инквизитора.

— Мы еще вернемся, — бросил он, пятясь к двери. Когда за ними закрылись тяжелые створки, в лазарете снова повисла тишина. На этот раз она пахла озоном и липким, животным ужасом. Илара почувствовала, что ноги больше ее не держат. Она опустилась на ближайшую лавку, обхватив колени руками.

— Вы с ума сошли, — прошептала она, глядя на Кайрена. — Вы только что угрожали Верховному Инквизитору. Они не простят этого. Они сожгут весь квартал, чтобы достать вас.

Кайрен подошел к столу, налил себе в чистую мензурку воды из кувшина для больных и залпом выпил. Его руки слегка дрожали. Лиловое свечение под туникой пульсировало слабо, с перебоями.

— Они не сожгут, — он посмотрел на свои пальцы, словно проверяя, на месте ли они. — Кроули трус. А трус с властью опаснее фанатика. Он напишет в отчете, что Валенхейм-младший страдал от редкой кожной болезни, а мы с вами — эксцентричные благотворители.

— Почему вы это сделали? — Илара подняла на него глаза. — Зачем вам я? У вас есть золото, власть, земли. Зачем вам привязывать к себе девчонку, за которую придется воевать с Инквизицией? Кайрен долго молчал. Он смотрел на ряды коек, на изможденных людей, на закопченный потолок их маленького, грязного мира.

— Потому что вы светитесь, Вейн, — наконец сказал он, и в его голосе не было ни яда, ни цинизма. Только глухая, выжженная усталость. — В этом городе, полном лжи, позолоты и страха, вы единственный источник света, который не пытается никого сжечь. Вы лечите. Даже когда это бессмысленно.

Он подошел к ней и протянул руку. На его ладони лежал небольшой бархатный мешочек, тяжелый от монет.

— Пятьсот империалов от Валенхеймов. И еще триста — от меня. Илара посмотрела на золото. На эти деньги она могла купить не просто лицензию. Она могла купить дом в Среднем городе и закрыть рот всем кредиторам.

— Это плата за вчерашнее? — спросила она.

— Это аванс, — Кайрен сжал ее пальцы на мешочке. — За сегодняшнее утро. И за то, что будет дальше.

— Что будет дальше?

— Настоящая работа, — он кивнул в сторону двери, за которой скрылись инквизиторы. — Кроули вернется. Но он придет не за нами. Он придет за тем, кто стоит за той тварью в теле мальчика. Мелкие фамильяры не выбирают детей аристократов случайно. Кто-то спустил его с поводка. И этот кто-то сидит гораздо выше лорда Валенхейма. Кайрен развернулся, собираясь

уходить. — Идите домой, Вейн. Отсыпайтесь. Сегодня ночью мы идем в катакомбы под Храмом. Пресветлая очень не любит, когда роются в ее скелетах.

Он вышел, оставив после себя запах озона, триста империалов в руках Илары и четкое осознание того, что ее жизнь только что рухнула окончательно.

И, кажется, ей это начинало нравиться.

Глава 4. Пыль на черном бархате.

Особняк Эшвудов встретил Илару тишиной. После оглушающего гула Восточного округа, где жизнь кипела в сточных канавах и тесных переулках, родовое гнездо последнего тёмного мага ощущалось как склеп.

Район Верхнего города, где стоял дом, назывался Терновой Ложбиной — здесь селились самые старые, самые угасающие аристократические семьи. Особняки здесь напоминали вдов в трауре: величественные, черные, с наглухо закрытыми ставнями.

Кайрен впустил ее через боковую калитку для слуг, которая, судя по слою ржавчины на петлях, не открывалась лет десять.

— Экономка уволилась в пятом году, — пояснил он, зажигая масляную лампу. — А новую я не нанимал. Пыль вызывает у меня мигрень.

Илара шагнула внутрь и замерла. Она ожидала увидеть мрак, паутину, черепа на полках и алтари из костей — все то, чем Синод пугал детей в воскресных проповедях. Но дом Кайрена был пугающе… нормальным. И от этой нормальности веяло настоящим безумием.

В огромном холле на мраморном полу, рядом с перевернутой банкетной тележкой, стоял открытый ящик с редчайшими орхидеями из Выжженных Пределов. Цветы стоили целое состояние, но они медленно умирали от недостатка влаги. На золоченой кушетке эпохи Первого Завета лежал скомканный, пропахший лазаретом серый плащ Илары, который Кайрен вчера бесцеремонно бросил поверх шелка.

— Вы живете как крыса в золотой клетке, — констатировала она, переступая через лужу, натекшую из опрокинутой вазы.

— Я живу как труп, который забыл лечь в гроб, — он пожал плечами. — Идемте. Библиотека чище. Там хотя бы горит огонь. Библиотека располагалась в западном крыле. Здесь действительно было чисто — Кайрен явно магией выжег пыль из углов, но бархатные шторы все равно висели тяжелыми, влажными складками, а в воздухе стоял запах старых чернил, сушеных трав и едва уловимой серы.

На массивном столе из черного дуба царил хаос, который Илара научилась распознавать как "рабочий порядок" целителя. Горы пергамента, пустые колбы, склянка с чем-то, что подозрительно шевелилось, и череп мелкого беса, использовавшийся в качестве пресс-папье.

— Садитесь, — Кайрен кивнул на кресло. — И не трогайте череп. Он кусается, когда на него падает тень. Илара опустилась в кресло, чувствуя, как дорогой бархат обволакивает ее, словно пытаясь задушить. Она положила на стол бархатный мешочек с золотом, который Кайрен дал ей утром.

— Триста империалов, — сказала она. — Я не беру денег за то, что чуть не умерла от страха.

— Вы не умерли, — он даже не посмотрел на золото. Его внимание было приковано к куску черного воска, запечатанному гербом Валенхеймов. — А это окупает ваш испуг. Считайте это компенсацией за моральный ущерб. Кроме того, вам нужно новое платье. В катакомбы нельзя идти в стеганом жилете. Там крысы с дурным вкусом. Он сургучом вскрыл печать. Внутри оказалось не письмо, а тонкий локон детских волос, перевязанный серебряной нитью.

— Они пытались откупиться от вас этим? — Илара брезгливо поморщилась.

— Это не взятка, — Кайрен взял локон пинцетом и поднес к лампе. — Это следилка. Лорд Валенхейм не идиот. Он знал, что после визита инквизиторов за ним придут снова. Он

отдал нам волосы, чтобы мы привели "демона" к нему. Или к тому, на кого он укажет. Кайрен положил локон на медное блюдо и щелкнул пальцами. Над волосами поднялась тонкая, едва заметная струйка фиолетового дыма. Дым не рассеивался, он собирался в воздухе в дрожащую карту.

— Пепельная Чума, с которой мы столкнулись — это не болезнь, — Кайрен водил пальцем по светящимся линиям дыма. — Это катализатор. Грубая, сырая работа. Смотрите, Вейн. Дым сгустился, показывая очертания столицы. Красные искры вспыхивали в разных районах: порт, трущобы, квартал Гильдий. — За последние три месяца зафиксировано семь вспышек "божественной лихорадки". Три ребенка из ремесленников, два грузчика, жена пекаря. Все списано на волю Пресветлой.

— Но Элиан Валенхейм — аристократ, — прошептала Илара.

— Именно. — Кайрен ткнул пальцем в центр карты, где стоял Храм. — Мальчик был восьмым. И первым из Верхнего города. Кукловод тестировал силу на грязи. Теперь он пробует яд на золоте. Он погасил дым одним выдохом. В библиотеке снова стало темно и тихо.

— Зачем? — Илара подалась вперед. — Какая цель у ритуала, который требует восьми жертв? Кайрен откинулся на спинку кресла. Лиловое свечение под его туникой пульсировало тускло — разбор следящих чар вымотал его сильнее, чем ночной экзорцизм.

— Восемь — это не конец. Это начало. Восемь точек — это вершины октограммы. Если соединить их линиями силы… — он взял со стола уголь и быстро набросал схему на пустом пергаменте. — Получается Звезда Отверзания. Древняя, как сама Бездна .

Илара склонилась над рисунком. Она не была боевым магом, но теорию знала.

— Звезда Отверзания используется для призыва Владык. Но для этого нужен источник силы размером с малое солнце. Или…

— Или древний фетиш, похороненный там, где никто не будет искать, — закончил за нее Кайрен. — Под фундаментом Храма Пресветлой. Илара подняла на него глаза.

— Вы хотите сказать, что кто-то в столице Света строит ритуал призыва демонического Владыки, используя детей в качестве маяков, а в качестве топлива — реликвию под главным алтарем?

— Я хочу сказать, что кто-то очень, очень хочет, чтобы Выжженные Пределы и Солнечное Королевство перестали существовать, — он потер переносицу. — И этот кто-то сидит в Совете Синода. Лорд Валенхейм — лишь марионетка. Он отдал нам волосы, потому что ему приказали. Он думал, мы сдохнем, пытаясь найти источник. Кайрен встал и подошел к высокому стеллажу. Его движения стали чуть более резкими, чем обычно — признак подступающей боли от "выжженного сердца".

— У нас есть два дня до того, как октограмма замкнется. Девятая жертва. Обычно это девственница королевской крови, но в нашем случае, подозреваю, подойдет просто очень набожный дурак.

— Например, Верховный Инквизитор? — предположила Илара.

— Или вы, — он обернулся, опираясь плечом о стеллаж. — Вы светитесь, Вейн. Для ритуала Отверзания вы — идеальный маяк. Ваша светлая магия, пропущенная через призму вашей же смерти, даст ритуалу необходимую чистоту. Илара сглотнула.

— И что в центре? Что они хотят достать из-под Храма? Кайрен молчал дольше, чем было нужно. Он смотрел на свои руки, на лиловую тьму, которая медленно, но верно подтачивала его изнутри.

— Они хотят достать то, что там похоронили первые Архиепископы пятьсот лет назад, — тихо сказал он. — Они думают, что это оружие против Пределов. Доспех из плоти Падшего Ангела.

— Но это же…

— Это ложь, — отрезал Кайрен. — В склепе под Храмом заперто не оружие. Там заперта Первопричина. То, из-за чего мой род выжег свои земли. То, что раскололо континент. Если они это выпустят, Вейн… Разница между Светом и Тьмой исчезнет. Останется только Пепел. Он оттолкнулся от стеллажа и подошел к столу. — Поэтому мы идем в катакомбы сегодня ночью. Не за доказательствами для Синода. Мы идем ломать их маяки.

— Как? — Илара встала, чувствуя, как проходит страх. На его место приходило что-то другое. Злость, такая же горячая и чистая, как ее дар. — У нас есть три сотни империалов, ваше проклятое сердце и мой свет. Против всего Синода. Кайрен впервые за вечер позволил себе настоящую, широкую улыбку. В ней не было яда. Только предвкушение.

— Этого более чем достаточно, чтобы устроить в доме Отца нашей Церкви самый грандиозный скандал в истории. Он выдвинул ящик стола и достал оттуда два предмета. Первый — тяжелый серебряный ошейник с тусклым черным камнем. — Наденьте, — он протянул его Иларе. — Это глушитель.Он скроет ваше сияние от поисковых амулетов стражи. Но он блокирует и вашу целительскую магию. Если вас ранят, я не смогу вас исцелить. Илара без колебаний застегнула холодный металл на шее. Камень лег в ямку между ключицами. Тепло ее дара тут же отрезало, словно голову сняли с плеч. По коже пробежал мороз. — А это — для меня, — Кайрен взял второй предмет. Обычный холщовый мешок. Он развязал тесьму и вытряхнул содержимое на стол. Это была кожа. Человеческая кожа, снятая чулком, с выжженными на ней печатями. Илара отшатнулась.

— Что это?

— Это моя старая кожа, Вейн, — спокойно ответил Кайрен, натягивая ее на себя поверх туники, как вторую перчатку. Плоть срослась с его собственной с влажным, чавкающим звуком. — Я слишком ярко сияю для тёмного мага. А в катакомбах нам нужно быть призраками. Он повернулся к ней. Лицо, которое она привыкла видеть надменным и бледным, теперь покрывала сеточка старых шрамов и темных вен, пульсирующих под чужим эпидермисом. Глаза в обрамлении этой мертвой плоти казались провалами в Бездну.

— Выглядит омерзительно, — выдохнула Илара, справившись с тошнотой.

— Функционально, — кивнул Кайрен. — Идемте. Луна почти взошла. В порту нас ждет лодка. Тот самый слепой лодочник, который возит контрабанду. Он задолжал мне за лечение сифилиса. Он направился к выходу, на ходу надевая перчатки. Илара осталась стоять посреди разгромленной библиотеки, сжимая в руке мешочек с золотом. Она посмотрела на свое отражение в темном оконном стекле. Целительница в стеганом жилете, с серебряным ошейником на шее, стоящая в особняке тёмного мага. Она улыбнулась своему отражению.

— Надеюсь, крысы и правда с дурным вкусом, — пробормотала она, подхватывая с пола свою старую сумку с бинтами, и шагнула в темноту вслед за Кайреном.

Глава 5. Архитектор тишины.

Подвал дома Валенхеймов пах старым вином, плесенью и озоном. Кайрен спустился первым, его шаги в тяжелых сапогах не издавали ни звука — "вторая кожа" поглощала не только свет, но и шум. Илара шла следом, придерживая сумку с инструментами. Серебряный ошейник холодил кожу, и это было самое страшное чувство в ее жизни — ощущать себя пустой. Она привыкла, что ее дар всегда струится под кожей, готовый вырваться наружу. Сейчас внутри была только звенящая тишина и страх.

Глава 6. Соль, ром и лиловая тьма.

Таверна "Слепой осетр" никогда не бывала пустой, но сегодня Иларе казалось, что весь портовый сброд воняет слишком громко.

Они сидели в самом дальнем углу, за бочкой с тухлой сельдью. Кайрен выглядел так, словно его пропустили через камнедробилку. "Вторая кожа" сгорела в доме Валенхеймов, и теперь на его руках и груди чернели глубокие, похожие на морозные узоры ожоги — след от соприкосновения его тьмы с антимагией Илары.

Он молча цедил самый дешевый ром, и даже эта дрянная выпивка, казалось, не приносила ему облегчения.

— Если Кроули найдет нас здесь, нас повесят на одной рее с контрабандистами, — буркнула Илара, пытаясь оттереть сажу с рук мокрой, грязной тряпкой, которую ей швырнул хозяин таверны.

— Кроули сейчас занят, — Кайрен поморщился, делая глоток. — Он пытается потушить свою коллекцию фарфора. У нас есть часа три, пока он не поймет, что пожар в его часовне был не несчастным случаем.

— Три часа, чтобы спуститься в древние катакомбы, найти реликвию Падшего Ангела и не сойти с ума? — Илара бросила тряпку в лужу эля на столе. — Нам нужен план. И карта. И, желательно, армия.

Кайрен медленно повернул к ней голову. Его глаза, обычно прозрачно-серые, сейчас были темными от боли и расширенных зрачков. Лиловое свечение под его кожей пульсировало в такт его сердцебиению — неровно, с перебоями.

— У меня есть карта, — он полез за пазуху и вытащил сверток промасленной кожи. — Но у нас нет армии. Только вы, я и ваше внезапно открывшееся отвращение к магии.

Он бросил сверток на стол. Илара развернула его. Это был не пергамент, а выделанная человеческая кожа, на которой тушью из сажи были нанесены линии подземелий.

— Это кожа одного из первых Архиепископов, — пояснил Кайрен, заметив ее отвращение. — Он был весьма запаслив. Карта верна, я проверял. Смотрите. Он ткнул пальцем в точку под Восточным округом. — Мы вошли здесь, у дома Валенхеймов. Октограмма тянется отсюда… — его палец прочертил линию через весь город… — сюда. Прямо под Алтарный зал Храма.

— Но между Валенхеймами и Храмом еще три квартала, — Илара нахмурилась, изучая переплетение линий. — Маяков должно быть больше.

— Семь, — кивнул Кайрен. — По числу оставшихся чаш. Они расставили их в домах самых верных, самых фанатичных семей столицы. Разрушив дом Валенхеймов, мы не остановили ритуал. Мы только заставили их ускорить подготовку. Девятая жертва будет принесена сегодня в полночь. Илара почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Кто?

— Тот, кого не хватятся. Сирота. Беспризорник из порта. Или… — он поднял на нее глаза, — целительница без лицензии, которая слишком часто задает вопросы в Восточном округе.

— Вы знали, что они выберут меня восьмой точкой, когда привели в дом Валенхеймов? — тихо спросила она.

— Я предполагал, — он не стал лгать. — Вы — идеальный проводник. Светлая магия, запертая в теле, которое не принадлежит Синоду. Вы — брешь в их системе. Илара долго смотрела на него. На этого невыносимого, язвительного, жестокого человека, который только что едва не убил себя, чтобы перенаправить смертельную магию на ее врага.

— Вы могли умереть там, — сказала она.

— Я умираю каждый раз, когда использую дар, — он допил ром одним глотком и со стуком поставил кружку. — Вы не представляете, каково это, Вейн. Когда внутри нет сердца, а есть только дыра, в которую проваливается всё живое. Тьма — это не сила. Это протез. Который гниет вместе с тобой.

Он расстегнул ворот туники. Илара ожидала увидеть пустоту или пульсирующий лиловый сгусток. Но грудь Кайрена была покрыта черной, обугленной плотью. Ожоги от их совместной работы в доме Валенхеймов обнажили края "выжженного сердца". Края этой раны шевелились. Под обугленной кожей медленно, ритмично сокращалось что-то чужеродное, похожее на щупальца осьминога.

— Оно растет, — хрипло сказал Кайрен. — Каждый раз, когда я тяну скверну, оно откусывает от меня кусок. Скоро оно доберется до горла.

Илара отложила карту. Ее руки, все еще дрожащие от остаточного действия желчи левиафана, потянулись к серебряному ошейнику на своей шее.

— Снимите ваш пояс, — приказала она.

— Вейн, если вы снимете ошейник здесь, стража в радиусе мили увидит вспышку. Мы в порту, здесь каждый второй — информатор Инквизиции.

— Не этот, — она дернула цепочку. — Ваш. Кайрен проследил за ее взглядом. На его талии, под туникой, была намотана тонкая полоса черной кожи — сдерживающая печать, которая не давала тьме из его груди вырваться наружу бесконтрольно.

— Если я сниму печать без поддерживающего круга, я превращу эту таверну в дымящуюся воронку, — он покачал головой. — Я не доверяю себе.

— Зато я доверяю, — Илара обошла стол и встала за его спиной. — Вы удержали нить в доме Валенхеймов, когда я чуть не разорвалась. Вы не ударили меня в спину, хотя могли забрать мою силу еще в лазарете. Снимите пояс. Ее голос звучал ровно, но внутри всё леденело. Она собиралась коснуться того, что выжгло целый континент. Кайрен долго смотрел на свои руки. Затем медленно, с видимым усилием, развязал кожаный шнур. Тьма не хлынула. Она сочилась. Лиловый туман начал просачиваться из-под краев обугленной раны, стекая по его ребрам на грязные доски пола. Тени в углах таверны сгустились, запахло грозой и могилой. Посетители за соседними столами вдруг замолчали, кто-то начал икать от страха.

— Быстрее, — прошипел Кайрен сквозь сжатые зубы. Его тело выгнулось дугой. — Оно… жрет… Илара положила ладони на его грудь, прямо на шевелящиеся края раны. Она не могла использовать Свет — ошейник всё еще блокировал ее дар. Но желчь левиафана всё еще текла в ее венах. Она сделала то, что целители делают в крайних случаях. Она не стала вливать силу. Она начала *вытягивать*. Ее антимагия, холодная и вязкая, встретилась с его тьмой. Это было похоже на погружение рук в ледяную смолу. Тьма Кайрена, почуяв пустоту, рванулась к ней, пытаясь заполнить, поглотить, исцелить свою дыру за ее счет.

— Нет, — выдохнула Илара, вкладывая в это слово всю свою упрямство. — Ты не ешь меня. Я — целитель. Я забираю боль. Она сжала края его раны своими антимагическими ладонями. Тьма взвыла. Но это был не крик хищника. Это был визг зверя, которому наступили на хвост. Лиловые щупальца под кожей дрогнули и начали втягиваться обратно. Илара чувствовала, как чужеродная плоть под ее руками медленно, неохотно успокаивается.

Она не лечила его — она *заморозила* гниение, сковав его своей пустотой. Кайрен выдохнул. Его плечи обмякли, он тяжело оперся руками о стол, едва не опрокинув кружку. Тьма перестала сочиться, спрятавшись под кожей, оставив после себя лишь тяжелую, звенящую усталость. В таверне снова загомонили. Никто, кроме них двоих, не понял, что только что произошло.

— Вы идиотка, — прошептал Кайрен, не оборачиваясь. Его голос был надломленным. — Это могло убить вас.

— Вы тоже не блещете умом, — Илара убрала руки. На ее ладонях не было ожогов, только липкий холодный пот. — Но пока это работает. Он наконец повернулся. Его лицо было бледным, как у мертвеца, но глаза смотрели ясно. Он протянул руку и коснулся серебряного ошейника на ее шее.

— Вы доверяете мне настолько, что полезли руками в мое проклятие, — тихо сказал он. — Но всё еще боитесь снять это.

— Я не боюсь, — Илара перехватила его пальцы. — Я берегу нас обоих. Если я сниму его сейчас, моя магия вырвется. А я только что держала вашу тьму. Если мой свет смешается с ней в закрытом помещении…

— Мы превратимся в новую звезду, — закончил он и неожиданно усмехнулся. Улыбка сделала его лицо почти человеческим. — Разумно. Он отпустил ее и снова склонился над картой из человеческой кожи. — Отдохнули? — спросил он, хотя по его виду было понятно, что отдых ему не поможет.

— Вполне, — Илара потерла саднящую шею. — Что дальше? — Дальше мы идем в портовые стоки, — Кайрен ткнул в нижний уровень карты. — Здесь, под Восточным округом, есть старый акведук времен Первого Завета. Карта показывает, что он ведет прямо в крипту под Алтарным залом. Там они держат девятую жертву. И там же, в центральном зале, стоит их главный фокус — осквернённый солнечный диск.

— Мы не успеем пройти весь путь до полуночи, — Илара посмотрела на песочные часы на стене таверны. Был уже вечер.

— Не пройдем, — согласился Кайрен. — Поэтому мы не пойдем через стоки. Он свернул карту и убрал ее за пазуху. — Мы воспользуемся парадным входом.

— Нас схватят на ступенях Храма!

— Не схватят, — он встал, пошатнувшись, и накинул на плечи свой черный плащ. — Потому что через час, Вейн, мы с вами официально станем паломниками. Я купил нам индульгенцию у слепого монаха в углу этой таверны. За пятьдесят империалов. Оказывается, вера стоит дешевле, чем лицензия целителя. Он бросил на стол несколько медяков за ром. — Идемте. Нужно успеть вымазаться в дорожной пыли и научиться смиренному выражению лица. Инквизиторы не бьют палками тех, кто идет молиться о прощении. Особенно если у них есть бумага с печатью.

Илара посмотрела на свои руки, всё еще помнящие ледяное прикосновение его тьмы, на карту, пахнущую смертью, и на этого невозможного человека. Она не стала ничего отвечать. Она просто встала, поправила сумку с бинтами на плече и пошла за ним к выходу, навстречу патрулям Синода.

Глава 7. Пепел святого

До полуночи оставалось сорок минут. Луна висела над столицей тяжелым, налитым кровью глазом. Площадь перед Храмом была запружена народом: паломники со свечами, нищие, просящие подаяние, и патрули Инквизиции в белых плащах, которые проверяли каждого входящего. Кайрен и Илара не стали пробиваться через толпу. Они свернули в переулок Гончаров, пропахший кислой капустой и жженым сахаром. Часовня Святого Юстиниана встретила их черным провалом выбитых дверей.

— Вы уверены, что это безопаснее парадного входа? — Илара брезгливо переступила через обгоревший скелет кошки. — Здесь пахнет смертью.

— Здесь пахнет антимагией, — Кайрен пригнулся, проходя под низкой притолокой. — Для поисковых амулетов Синода мы сейчас выглядим как один большой кусок скверны. Здесь нас не станут искать. Он нащупал в темноте кольцо люка. Каменная плита со скрежетом ушла в сторону, открывая лестницу, уходящую в ледяную пустоту. Склеп встретил их тишиной. Здесь не было ни крыс, ни слизи — только ровный слой серого пепла на полу и запах озона, въевшийся в камни. В центре зала, повторяя контуры выжженного на полу круга, чернело пятно сажи.

— Пожар был не случайностью, — Илара провела пальцем по стене. Сажа была сухой, но под ней камень был оплавлен, как стекло. — Это выжигали магией. Очень мощной.

— Архиепископы любят чистоту, — Кайрен прислонился к стене, тяжело дыша. Лиловое свечение под его кожей пульсировало слабо, с перебоями. "Вторая кожа" сгорела, и теперь проклятие жрало его в открытую. — Снимайте ошейник, Вейн. У нас мало времени.

Илара подошла к нему. В тесном склепе, под низкими сводами, он казался еще выше и массивнее. Она встала за его спиной, чтобы видеть замок.

— Если я сниму его, мой свет вырвется наружу. В закрытом помещении это…

— Это будет громко, — согласился он. — Но снаружи, на площади, это примут за очередной божественный знак. Или за взрыв в алхимической лавке. Снимайте. Ее пальцы коснулись холодного серебра. Ошейник щелкнул. В первый миг ничего не произошло. А во второй — Илару выгнуло дугой. Золотой свет, который она сдерживала три часа, ударил из нее, как вода из прорванной плотины. Он не был мягким или исцеляющим. Это был слепящий, яростный поток чистой энергии. Он ударил в низкий потолок склепа, заставив пепел взметнуться в воздух золотым вихрем. Кайрен зарычал. Его тьма, почуяв свободу конкурента, рванулась навстречу. Лиловый и золотой свет столкнулись под сводами часовни. Пространство завибрировало. Камни в стенах начали тихо гудеть, а воздух стал настолько плотным, что им стало трудно дышать.

— Вейн! — хрипло крикнул Кайрен, хватая ее за плечи. Его пальцы были ледяными. — Не пытайтесь светить! Глушите! Илара сквозь пелену перед глазами сфокусировалась на его лице. Он был прав. Если она сейчас просто выпустит весь свой дар, их обоих распылит на атомы.

Она сделала то, чему научилась в доме Валенхеймов. Она не стала *излучать*. Она стала *пустотой*. Золотой свет вокруг нее дрогнул и начал втягиваться обратно в кожу, стекаясь к ее ладоням. Она схватила запястья Кайрена. Ее антимагия встретилась с его тьмой. Это было похоже на удар молота. Тьма Кайрена, почуяв привычный холод желчи левиафана, вцепилась в него, пытаясь заполнить свои ожоги. Но Илара держала его, как удерживала душу ребенка. Она не боролась с его силой — она стала сосудом для нее.

— Спокойно, — прошептала она, глядя в его абсолютно черные, лишенные белков глаза. — Я держу. Медленно, очень медленно, ревущий штопоп света и тьмы в склепе начал стихать. Энергия перестала метаться по стенам и втянулась в них. Золотой свет Илары успокоился, снова спрятавшись под кожей, оставив лишь легкое сияние вокруг ее ладоней. Тьма Кайрена скрылась в его груди, но лиловое свечение теперь пульсировало ровнее — Илара своей пустотой "прижгла" края его ран. Кайрен тяжело оперся о стену. По его вискам тек пот, смешиваясь с сажей.

— Предупреждайте, — прохрипел он. — В следующий раз.

— Следующего раза не будет, — Илара отпустила его и отошла на шаг, тяжело дыша. Ее трясло от переизбытка силы. — Нам нужно идти. Она повернулась, чтобы осмотреть склеп, и замерла. В углу, под завалом из обгоревших стропил, что-то белело. Это не был пепел. Это была ткань. Илара опустилась на колени и осторожно разгребла золу.

Тяжелое церковное знамя. Одна его сторона была полностью уничтожена огнем, но изнанка… Изнанка была сшита из плотного черного бархата, который не поддался пламени. И на этом бархате серебряной нитью, почти сливаясь с фоном, была вышита октограмма.

— Кайрен, — голос Илары дрогнул. — Идите сюда. Тёмный маг подошел, щурясь. Его зрение всё еще восстанавливалось после вспышки. Он посмотрел на знамя. Потом на октограмму на полу. Потом снова на знамя.

— Это не просто культ, — тихо сказал он. — Это структура.

— Смотрите на нить, — Илара коснулась вышивки. — Серебряная нить. Та же самая, что была в волосах мальчика. Это не просто символ. Это заземление. Каждая такая часовня в городе… они не просто молились здесь. Они использовали святые места как якоря.

Кайрен медленно опустился на колени рядом с ней. Он поднял руку и провел пальцем по выжженному кругу на полу.

— Пожар, — пробормотал он. — Они жгли не еретиков. Они жгли старые якоря, чтобы перестроить сеть. Юстиниан мешал их геометрии. Он достал из-за пазухи карту из человеческой кожи и расстелил ее прямо на пепле. Илара склонилась над ней, и вдруг ледяная игла ужаса пронзила ее сердце.

— Нет, — прошептала она. — Это невозможно. Кайрен проследил за ее взглядом. Илара смотрела не на линии катакомб. Она смотрела на печать в углу карты. — Это не кожа Архиепископа, — сказала Илара. — Это кожа Верховного Инквизитора. Вы украли карту у Кроули. Кайрен молчал. В склепе стало очень тихо, слышно было только, как оседает пепел.

— Я "позаимствовал" ее из его кабинета, пока он орал на пожарных, — наконец произнес он. — Дориан Кроули не просто Секретарь. Он — Архитектор.

— Эти дома… — Илара ткнула пальцем в точки маяков на карте. — Валенхеймы, де Моры, Линденхорсты… Это не просто богатые семьи. Это прямые потомки семи основателей Синода. Тех, кто пятьсот лет назад заточил Падшего под Храмом.

— Они не пытаются призвать демона, — Кайрен провел линию от семи домов к Храму. — Они пытаются *выпустить* его. Правильно. По старому чертежу.

— Но зачем? — Илара подняла на него глаза. — Если они потомки основателей, они должны защищать…

— Они защищают тюрьму, Вейн, — перебил он. — Но тюрьма гниет. Первопричина, что заперта внизу… она просачивается. Она сводит их с ума. Кроули думает, что если провести ритуал Отверзания и принести девятую жертву, он сможет договориться с ней. Выкачать ее силу и стать новым богом.

— Он идиот, — выдохнула Илара. — Первопричина не договаривается. Она только поглощает.

— Я знаю, — Кайрен сложил карту. Его лицо было жестким. — Я видел, что она делает с землей. Именно поэтому мы идем вниз. Но теперь у нас есть преимущество.

— Какое?

— Кроули ждет, что мы будем ломать его ритуал, — Кайрен встал, отряхивая пепел с колен. — Он ждет сопротивления. А мы просто встанем в центр.

— В центр чего?

— Октограммы, — он протянул ей руку. — Девятая жертва — это ключ. Но если ключ уже мертв, замок не откроется. Или откроется… не так, как они планировали. Илара посмотрела на его ладонь. Она всё еще светилась мягким золотом. Он стоял в тени, окутанный лиловой тьмой. В сгоревшей часовне святого, посреди пепла их общей истории, они выглядели как две стороны одной медали. Она вложила свою руку в его.

— Если вы превратитесь в демона, я сожгу ваше сердце окончательно.

— Договорились, — он дернул уголком губ. — А если вы начнете цитировать псалмы, я скормлю вас крысам. Они выбрались из склепа обратно в переулок. До полуночи оставалось пятнадцать минут. Толпа на площади перед Храмом завыла — ударил колокол. Кайрен накинул капюшон, полностью скрывая свое изуродованное тьмой лицо. — Пора играть в паломников, Вейн. Улыбайтесь. Пресветлая любит идиотов.

И они шагнули на площадь, прямо под свет прожекторов Инквизиции, сжимая в кармане карту, которая должна была привести их в самое сердце заговора.

Глава 8. Питомник "Архангелов"

Вход в катакомбы не был отмечен дверью. Он выглядел как пасть огромного чугунного чудовища — старые насосы Восточного округа, которые давно перестали справляться со сточными водами и были брошены Синодом. Воздух здесь был густым, пахнущим метаном, застоявшейся водой и чем-то сладковато-лекарственным, как в лазарете для безнадежных больных.

— Насосная станция "Гедеон", — пробормотал Кайрен, водя пальцем по карте из кожи Инквизитора. — По документам — заброшена. По факту — сторожевой пост.

Илара подняла масляную лампу выше. Луч света выхватил из мрака потолок. Он был живым. Огромный свод покрывал ковер из слепых, белесых червей размером с человеческую руку. У каждого из них были шесть тонких, перистых лапок по бокам, как у насекомых, и

рудиментарные, хлопающие жабры. Они висели на потолке, вцепившись в известняк, и едва заметно пульсировали в унисон.

— "Сторожевые херувимы", — с отвращением произнес Кайрен. — Любимый зверинец Верховного Инквизитора. Они глухи и слепы, Вейн. Но они чуют магию лучше, чем свинья трюфель. Если мы зажжем свет или тьму крупнее свечи, они решат, что наступил Судный день, и устроят нам дождь.

— А нам нужно открыть дверь, — Илара посмотрела на массивную плиту из литой стали, перекрывающую тоннель. — На ней две печати.

По бокам двери в каменных нишах стояли два алтаря. Левый был покрыт засохшей черной жижей и копотью — алтарь Отступников. Правый сиял нетронутой позолотой и пах ладаном — алтарь Пресветлой. Чтобы плита ушла в потолок, требовалось подать энергию на оба алтаря одновременно.

— Разделяемся? — спросила Илара, проверяя ремни на сумке с бинтами.

— И позволим им сожрать нас поодиночке? — Кайрен криво усмехнулся. — Встаньте слева от меня. И держите свою пустоту наготове. Как только я скажу — глушите всё.

Они встали перед алтарями. Кайрен закатал рукав. Лиловая тьма, не сдерживаемая "второй кожей", начала сочиться из его предплечья, как смола. Он протянул руку к черному алтарю. Илара сделала глубокий вдох, пытаясь унять дрожь. Серебряный ошейник она сняла еще в склепе, и теперь ее золотой дар рвался наружу. Она положила ладонь на позолоченный алтарь.

— На счет три, — бросил Кайрен. — Раз… Илара почувствовала, как по ее пальцам пробежал божественный огонь. Алтарь Света принимал ее силу охотно, почти жадно. — Два… Тьма Кайрена ударила в черный камень. Воздух между алтарями затрещал от столкновения полярностей. — Три.

В тот же миг, когда механизмы внутри стен с грохотом пришли в движение, потолок издал влажный, чавкающий звук. "Херувимы" проснулись. Сотни слепых тварей отцепились от известняка и начали падать вниз. Они не летели — они планировали на своих перистых лапках, как пауки на паутине, издавая тихий, свистящий писк.

— Они падают в воду! — крикнула Илара. Бассейны с нечистотами под насосами уже бурлили. Пиявки падали в сточную воду и… расцветали. Их бледная кожа наливалась ядовитым, фосфоресцирующим светом, а жабры начинали пульсировать, вытягивая чистую магию прямо из воды. Одна из тварей, размером с собаку, отделилась от стаи и спикировала прямо на Илару. Она едва успела отшатнуться.

"Херувим" врезался в золотой алтарь, за который она держалась. Его перистые лапки сомкнулись на ее запястье. Боли не было. Было хуже. Тварь начала *пить*. Она не высасывала кровь — она вытягивала саму структуру ее дара. Золотой свет в венах Илары похолодел, превращаясь в лед. Пальцы онемели. Она чувствовала, как ее целительская сила, копившаяся годами, уходит в раздувшееся белесое тело "херувима".

— Вейн! — рявкнул Кайрен. Он стоял у черного алтаря, окруженный падающими тварями, но его тьма их не интересовала — они искали самый яркий, самый "вкусный" источник. Свет Илары.

Кайрен ударил тьмой в ближайшего "херувима", но тварь просто впитала удар, став лишь чуть ярче.

— Они питаются структурой! — заорал он. — Дай мне хаос! Дай мне грязь! Илара задыхалась. Мир перед глазами сужался до белого, пульсирующего брюха пиявки на ее руке. Она сделала то, чего не делал ни один целитель. Она перестала сопротивляться. Вместо того чтобы вливать чистый Свет, она открыла канал на максимум и… *рванула* из алтаря всё, что там было.

Неочищенную, сырую, дикую энергию Пресветлой, смешанную с веками намоленного фанатизма, отчаяния и страха. Она швырнула этот поток не в пиявку, а в воду под ногами. Сточные воды в бассейне мгновенно вскипели. Грязь, ил, гниющие водоросли и экскременты

— всё это под воздействием концентрированного, неконтролируемого Света начало стремительно разрастаться.

Вода превратилась в густой, бурлящий суп из светящихся лианами водорослей. "Херувимы", падающие в этот бульон, мгновенно запутывались. Светящаяся зелень оплетала их перистые лапки, разрывая их магические каналы. Твари бились в агонии, их свет мигнул и погас. Но на руке Илары всё еще висела та самая первая пиявка. Она уже высосала половину ее силы. Кожа Илары стремительно бледнела, под глазами залегли черные тени.

— Кайрен! — выдохнула она. Тёмный маг понял всё без слов. Он оторвался от алтаря. Это было самоубийство. Оставить алтарь Отступников без подпитки значило обречь механизм на взрыв, но он шагнул к Иларе.

— Не смейте! — прохрипела она, пытаясь удержать поток дикого Света, чтобы водоросли не сожрали их самих. Кайрен схватил "херувима" за спинку. Его пальцы, пропитанные тьмой, сомкнулись на светящемся теле.

— Тьма не питается, Вейн, — процедил он сквозь зубы. — Она вырезает. Он сжал ладонь. Раздался звук, похожий на раздавленный перезревший фрукт. "Херувим" лопнул, забрызгав лицо Кайрена густой, светящейся жижей. Лиловая тьма мага тут же поглотила остатки магии твари, не дав им рассеяться. Илара пошатнулась, едва не упав в светящийся бульон водорослей. Ее золотой дар пульсировал в руке, как обожженная пламенем мышца.

— Дверь! — крикнул Кайрен. Илара, не глядя, ударила кулаком по золотому алтарю, обрывая поток. Кайрен в ту же секунду отшвырнул остатки пиявки и впечатал кулак в черный камень. С оглушительным скрежетом, от которого заложило уши, стальная плита пошла вверх. За ней открылся черный зев тоннеля, из которого пахнуло холодом склепа и озоном.

Они ввалились в проход. Кайрен ударил по рычагу на стене, и плита с грохотом рухнула вниз, отрезая их от насосной станции. С той стороны донесся разочарованный свист сотен голодных глоток. Илара сползла по стене на пол. Ее била крупная дрожь. Она чувствовала себя пустой, выжженной изнутри. Кайрен тяжело дышал, прислонившись к противоположной стене. Его туника на груди была разодрана, лиловая тьма пульсировала открыто, пытаясь заживить ожоги от святой жижи "херувимов".

— Это было… — он закашлялся, — крайне неосмотрительно.

— Вы могли погибнуть, оставив алтарь, — Илара попыталась сфокусировать на нем взгляд, но глаза слезились.

— Я мог, — он оттолкнулся от стены и подошел к ней. Его движения были чуть более резкими, чем обычно — признак того, что "выжженное сердце" пропускает удары. — Но без вас, Вейн, я не открою эту дверь. Он присел перед ней на корточки. В полумраке тоннеля его лицо казалось высеченным из старого воска. — Вытаскивайте пробирку, — приказал он. Илара непонимающе моргнула.

— Какую пробирку?

— Желчь левиафана. Ту, что вы выпили в "Слепом осетре". Она почти выгорела, но в вашей крови еще остались следы. Мне нужен реагент. Моя тьма слишком нестабильна после контакта со святым бульоном. Илара дрожащими пальцами расстегнула сумку. На самом дне лежала темная склянка. Кайрен выдернул пробку. Он не стал пить. Он полоснул себя по ладони обсидиановым кинжалом и капнул черной кровью в горлышко пробирки.

— Откройте рот, — сказал он.

— Что?

— Откройте. Рот. Она подчинилась. Кайрен влил в нее смесь желчи и своей крови. Жидкость была ледяной и на вкус напоминала медную стружку и могильную землю.

— Это не исцеление, — пояснил он, зажимая свою рану другой рукой. — Это стабилизатор. Моя тьма в вашей крови. Теперь, если вы снова решите устроить потоп из водорослей, вы не выгорите до костей. Вы просто… станете немного темнее. Он встал и протянул ей руку.

— Вставайте. Крипта в десяти минутах ходьбы. Девятая жертва уже там. И я очень надеюсь, что это не вы.

Илара вложила свою ладонь в его. От его руки шел могильный холод, но он был живым. Они шагнули в темноту катакомб, оставляя за спиной дверь, которую теперь охраняли тысячи мертвых "архангелов".

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.